

Выбор Евы

ГАСТРОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

84/2-411.2)6-4

B92

CA-390767

Она любит музыку.
И мужчин

Любовь — тональность ля минор

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Зисман. О музыке и любви (Вместо предисловия)	3
Ольга Есаулкова. Шляпа с чужого плеча	12
Светлана Кривошлыкова. Это случилось в Монако . .	42
Вера Плауде. Футляр с сюрпризом	63
Татьяна Терновская. Композитор	100
Дарина Стрельченко. Выбор Евы	123
Галина Капустина. Дуэль с португальским колоритом	147
Алексей Буцайло. Соната Лазурного берега	185
Виктория Топоногова. Марсельская пантомима	210
Екатерина Трефилова. Диссонанс	233
Ольга Замятина. Allt I lagi	259
Ольга Есаулкова. Ведьма	289

ca-390464

Выбор Евы

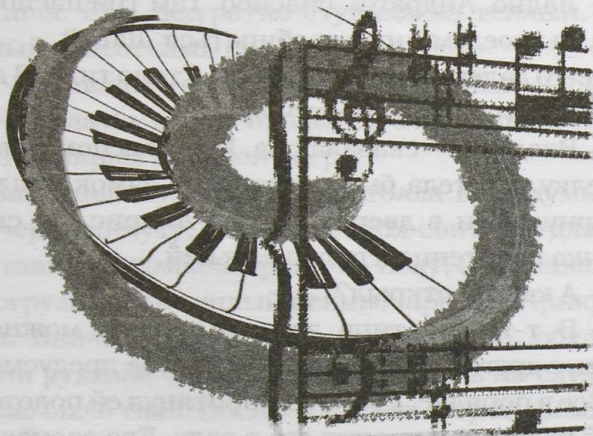
Любовь — тональность ля минор
ГАСТРОЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Москва

Издательство АСТ

государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

ТАТЬЯНА ТЕРНОВСКАЯ КОМПОЗИТОР

Есть теория, что существует корреляция между качеством автопрома и фильмов для взрослых в определенной стране. Давайте честно: я не очень интересовалась и тем, и другим, пока не услышала эту теорию. Рассказала ее Насте. Настя фыркнула, но мы изучили, сравнили, и Япония уверенно подтвердила эту теорию. Теперь, когда нам надо в концерте связать несколько композиций в единую канву, Настя говорит: «Давайте это всё зашибарим. (Шибари — искусство связывания в практике БДСМ)». Майклу это очень нравится, и он всякий раз хохочет, а Юлий краснеет, как девица.

Из блога Евы

— Успокойся. Успокойся! — почти беззвучно твердила Ева, сжимая потные ладони в кулаки. Сидевший в другом конце гримерки Юлий что-то напевал под нос, покачивая ногой в такт мелодии. Наверное, опять сочиняет...

Ева почувствовала, как скрутило живот.

— Забуди! Забуди!

Еву знобило, руки тряслись. Она вытерла мокрые ладони о платье.

Зря она вернулась в Японию. Надо было настоять на своем и уговорить Майкла отказаться от концерта. Надо было...

— Я профессионал, я справлюсь!

В глубине души Ева понимала, что сама себя обманывает, но не хотела это признавать.

Нужно просто успокоиться. Глубокий вдох и медленный выдох. Все будет хорошо. Повернувшись к зеркалу, Ева поправила прическу, подхватив шпилькой непослушную прядь. Затем дрожащими руками застегнула на шее яркие бусы из мусора, кажется, сделанные для одного из экологических проектов — последний подарок Йоко.

На металлическую цепочку были нанизаны контейнеры из шоколадных яиц с сюрпризом, японского аналога известного бренда. Только местные пластиковые контейнеры были гораздо меньше по размеру. Для бус Йоко специально подобрала перламутровые, которые напоминали огромные жемчужины. Между ними повесила зеленые кусочки

пластика, деформированные с помощью зажигалки и напоминавшие водоросли. Бусы из даров моря. Точнее, из мусора, который люди выбрасывают в океан... У Йоко была хорошая фантазия.

Йоко.

Акихиро.

В гримерную ввалилась Настя.

— Кошмар какой-то! Пришлось объездить пол-Токио, чтобы найти суши!

— Естественно,— хмыкнул Юлий.— Не суди о японской кухне по меню российских ресторанов. Суши здесь не так популярны, как у нас.

— Отнимаешь хлеб у Википедии? — ухмыльнулась Настя.— Хватит разглагольствовать, лучше угощайся. Ты тоже, Ева. Я на всех купила.

Шурша пакетом, Настя выложила на стол контейнеры из магазина и стала по очереди их открывать. Ева почувствовала сильный запах маринованного имбиря и, схватившись за живот, вылетела из гримерки. В коридоре чуть не сбила с ног первую скрипку токийского оркестра Иори Абэ. Не успев извиниться, Ева побежала дальше, но добраться до туалета не успела — ее вырвало прямо посреди коридора. Закашлявшись, Ева стояла, опершись рукой о холодную стену, и чувствовала, как сердце колотится в горле. Сзади подбежала Настя.

— Ева, прости! Я не знала, что ты не выносишь сырую рыбу! — Настя протянула бумажный платок.

— Дело не в рыбе.— Еве казалось, что в горле пылает огонь.— Я знала его. Я знала Акихиро Судзуки.

— Композитора, музыку которого мы будем исполнять? — уточнила Настя.

— Я знала его,— шепотом повторила Ева.

Ева в приподнятом настроении цокала каблучками по полу токийского аэропорта. Как же хорошо в Японии. Вот бы навсегда сюда переехать! Если все сложится удачно, то... Нет, еще слишком рано об этом думать! Нельзя загадывать, а то не сбудется.

С улыбкой Ева выпорхнула через «зеленый» коридор и почти сразу резко затормозила. Чемодан на колесиках со скрипом наехал ей на пятки.

У него снова обострение. Так я и думала...

В толпе встречающих сгорбившись стоял Акихиро Судзуки. Не нужно быть врачом, чтобы понять — у него проблемы. Сальные спутанные волосы торчат в разные стороны. На растянутом свитере масляные пятна, из выреза вылез мятый ворот рубашки. Верхняя пуговица почти оторвалась и болтается на нитке, покачиваясь при каждом вдохе. «Наряд» он дополнил черными классическими брюками и кроссовками со шнурками разного цвета. Но хуже всего — стеклянный взгляд, направленный в пустоту.

У Евы сжалось сердце. Бедный Акихиро! После развода его болезнь обострилась.

Заметив Еву, композитор натянул на лицо улыбку. Ева тоже улыбнулась. Обняв Акихиро, она почувствовала сильный запах моющего средства.

Надеюсь, Акихиро его не пил.

— Я заказал такси. Не хочу в таком состоянии садиться за руль, — сказал он хриплым голосом.

Мыслит здраво. Уже хорошо.

В синих тенях наступающих сумерек Ева медленно шагала по гравийным дорожкам сада Хаппо-ен. После случившегося днем ей необходимо было немного погулять в одиночестве и тишине.

Впервые в жизни она сорвала репетицию, хотя всегда считала себя настоящим профессионалом. Что теперь думают Настя и Юлий? А организаторы концерта? Можно сослаться на сильное отравление. Сделать вид, что впервые приехала в Японию и местная кухня вызвала расстройство желудка. Организаторы концерта должны принять такую отговорку, а друзьям можно рассказать правду. Но позже.

Ева немного успокоилась и пошла вниз к пруду с парчовыми карпами, куда, журча, впадало несколько ручейков. Ей нравилось наблюдать за этими красивыми рыбами. В один из приездов в Японию, она даже хотела набить татуировку с карпом, но так и не решилась.

Ева присела на край водоема и опустила кончики пальцев в холодную воду.

Хорошо, наверное, быть рыбой. Целыми днями спокойно плаваешь в тишине. Ни забот, ни хлопот...

К берегу подплыла пара карпов и стала смешно открывать рты, выпрашивая еду. Ева улыбнулась и вдруг снова вспомнила инцидент в коридоре концертного зала, когда ее стошнило у всех на глазах.

Иори Абэ!

Ева похолодела. Она беспардонно налетела на знаменитого скрипача, а потом блевала на пол у него на глазах. Ужас!

Ева закрыла лицо мокрыми руками. Так опозориться перед уважаемым человеком! Что он теперь подумает?

Перед мысленным взором Евы появилось красное одутловатое лицо скандального дирижера Михайлова, и она окончательно потеряла способность мыслить здраво.

Михайлова пригласили работать в Японию почти сразу после развала СССР. И хотя дирижером он был, безусловно, талантливым, его человеческие качества оставляли желать лучшего. Михайлов был жутким скандалистом и пьяницей. За недолгое время работы в Японии он успел изрядно потрепать нервы и Акихиро, и Иори, и другим уважаемым людям.

Из-за его выходок у Евы сформировался комплекс — ей всегда хотелось доказать, что не все в России пьяницы и дебоширы. А теперь, когда ее саму стошнило посреди коридора на глазах у Иори,

Ева была уверена — он решит, что она стала такой же, как Михайлов.

Ева сидела у пруда посреди вечерней прохлады парка и с трудом дышала, словно оказалась в парилке. Ей была невыносима мысль, что Иори сейчас сравнивает ее с Михайловым.

Завтра непременно нужно подойти к Иори, извиниться и все ему объяснить...

Только что она собралась объяснять? Для начала неплохо бы самой разобраться в своих проблемах.

Ева горько усмехнулась.

Сзади раздался шорох. Наверное, охранник. Нужно отойти от края пруда. Ева обернулась...

Первое, что увидела Ева после пробуждения, — солнечные блики на белом потолке больничной палаты. Она попыталась сесть, но потолок и пол тут же начали плясать перед глазами, и она снова легла.

Ева никак не могла вспомнить, как и почему оказалась здесь. Вчерашний вечер был окутан туманом. Кажется, от него осталась только сильная головная боль. В этот миг дверь в палату отворилась, и внутрь вошел человек в строгом костюме.

— Здравствуйте, меня зовут детектив Моро.

Удивленная Ева кивнула в ответ.

— Что со мной произошло?

— Вчера вечером на вас напали в саду Хаппоен. Мы полагаем, преступник хотел вас ограбить, но вы

оказали сопротивление, завязалась потасовка, и при падении вы ударились головой и потеряли сознание. Преступник скрылся. Возможно, его спугнули посетители парка, которые и нашли вас.

Ева коснулась кончиками пальцев ссадины на виске.

— Вы можете рассказать что-нибудь о нападавшем? Рост? Внешность? — Детектив занес ручку над блокнотом с черной обложкой.

— Простите, я ничего не помню, — произнесла Ева.

Детектив разочарованно щелкнул ручкой.

— Я принес вашу сумочку. — Детектив протянул Еве прозрачный пакет для улики. — Проверьте, пожалуйста, всё ли на месте.

Ева зашелестела пластиковой упаковкой, извлекла сумочку и расстегнула молнию. Смартфон, ключ от номера в отеле, жвачка, невидимки, кошелек, пачка влажных салфеток, блеск для губ. Вроде бы ничего не пропало.

— Спасибо, — кивнул детектив. — Я так и предполагал, что преступник не успел осуществить задуманное. Простите, но сумочку мне придется забрать. Как только эксперты закончат с ней работать, я лично верну ее вам. Вот опись ваших вещей, распишитесь, пожалуйста.

Ева машинально черкнула закорючку. Она никак не могла поверить, что на нее напали в Токио. Столько раз здесь была и не сталкивалась с проблемами...

Почему все это происходит с ней?! Да еще и так не вовремя.

— Да, чуть не забыл. Это ваше? — Детектив продемонстрировал еще один пакет для улик, внутри которого лежала струна.

Ева ощутила легкое дежавю. Словно она уже видела свернутую струну в прозрачном пакете.

— Нет, — после паузы сказала она.

Детектив кивнул, поклонился и вышел. Ева прикрыла глаза, но дверь снова открылась — и в палату вошла Настя.

— С добрым утром! — сказала Настя и плюхнулась на стул рядом с кроватью. — Как чувствует себя любительница ночами слоняться по паркам? Что, хотелось прочувствовать местную экзотику? Прочувствовала!

Ева прекрасно понимала, почему Настя злится. Она и сама реагировала бы так же, если бы они поменялись местами. Ева вздохнула и почувствовала, что ее шею стягивают бинты.

— А это «привет» от твоих модных бус! — Настя выудила из прикроватной тумбочки «морские» бусы, сделанные из мусора. — Слушай, может, на тебя напала полиция моды? Увидели на тебе это безобразие и не смогли пройти мимо?

Смех отозвался болью в висках Евы.

— Кстати, твоя одежда тоже здесь. — Настя постучала ногтями по гладкой поверхности тумбочки. — Какие же аккуратные люди эти японцы!

— А почему полиция не взяла остальные вещи на экспертизу? — машинально спросила Ева.

— Думаю, им и сумочки достаточно. У тебя ведь не одежду пытались украсть. И вообще, тебя же не убили! И даже не обокрали. Ты думала, что из-за неудачного ограбления оцепят весь Токио и введут в стране военное положение? — фыркнула Настя. — Радуйся, что полиция вообще взялась за твое дело. Наверняка, только потому что ты иностранка и в какой-то степени известный человек.

— В какой-то степени известный человек... теперь я знаю, что писать в социальных сетях в графе «о себе»

— Не благодари, — сказала Настя со смехом.

Ева тоже улыбнулась, но стоило ей увидеть бусы на тумбочке, как улыбка исчезла с лица. Настя проследила за ее взглядом и нахмурилась.

— Я, конечно, понимаю, современная мода и все такое. Но надо же было додуматься — повесить на цепочку зеленые куски пластика вперемешку с контейнерами из шоколадных яиц с сюрпризом! — Настя двумя пальцами подняла ожерелье над тумбочкой и снова бросила обратно. — Хотя знаешь, в этих бусах удобно провозить контрабанду. Запихнуть в эти контейнеры наркоту или брильянты — никому и в голову не придет проверять. — Настя посмотрела на Еву. — Надеюсь, ты не заплатила за них кучу денег?

— Нет. Это подарок от Йоко Судзуки.

— Жены композитора Акихиро Судзуки? — осторожно уточнила Настя. — Надела бусы, чтобы порадовать старушку?

— Она мертва. Убита. Ее тело нашли вскоре после смерти Акихиро.

Настя присвистнула.

— Ты хорошо их знала?

Ева вздохнула. Ей казалось, что на грудь положили огромный камень. Каждый вдох давался с трудом. Хотелось распахнуть грудную клетку, пусть даже для этого пришлось бы сломать себе ребра. Еве не хотелось говорить, но и молчать было невыносимо.

— Акихиро был другом нашей семьи. Часто гостил у нас. Хотя нет, в основном мы приезжали к нему. Акихиро ненавидел Петербург. Говорил, что у нас слишком сыро и тоскливо, — Настя улыбнулась. — Став старше, я часто приезжала в Токио уже без родителей. А в тот год, когда Йоко бросила Акихиро, я прожила здесь, кажется, больше, чем дома.

— Он страдал депрессией, так ведь? Удивительно. — Настя откинулась на спинку стула. — Самый знаменитый и богатый японский композитор XX века вместо того, чтобы наслаждаться успехом, пребывал в сплошном унынии...

— Депрессия — серьезная болезнь, а не просто плохое настроение! — слишком зло сказала Ева. — Депрессией страдают не только неудачники.

— Почему же он не лечился, если все было так плохо?

— Лечился. Но тут не все так просто. Когда он принимал таблетки — не мог писать музыку, а когда не принимал — не мог нормально жить. — Еве показалось, что легкие сводит судорога. — Знаешь, а я ведь была в него влюблена. Глупо так, по-детски. Думала, смогу его спасти. Что если мы будем вместе, он мгновенно излечится и будет счастлив. Но все вышло иначе.

Ева больше не могла говорить. На желудок словно накручивали колючую проволоку. Она скрючилась на кровати.

— Я позову доктора. — Настя выбежала из палаты, с грохотом уронив стул.

Хлопнув дверцей автомобиля, Ева вылезла из такси у дома Акихиро. У входа мелодичным перезвоном ее приветствовала «музыка ветра» — металлические колокольчики блестели в бледных лучах восходящего солнца.

Может, завтра съездить в Никко? Там так красиво! Природа — отличное лекарство от душевных переживаний. И храм, наверное, уже отремонтировали. Хорошо бы взглянуть на него без строительных лесов.

Напевая что-то под нос, Ева открыла дверь, сняла обувь и по холодным татами прошлепала на кухню, чтобы выложить покупки к завтраку.

Стоило раскрыть пакет — комнату наполнил запах маринованного имбиря. Ева зазвенела посу-

дой, сервируя стол. Достала свой любимый набор палочек из темного дерева. Разложила по тарелкам рис, сашими, имбирь. Натерла корень васаби.

Кажется, все готово. Можно будить Акихиро. Позавтракаем, соберемся и поедем в Никко. Или куда-нибудь еще. Акихиро уже давно хотел взять Еву с собой помедитировать под водопадом.

Подходя к спальне Акихиро, Ева услышала странное поскрипывание. Ей сразу вспомнилась тарзанка — веревка с узлом, привязанная к старой липе, на которой любили раскачиваться все дети. Ева улыбнулась своим воспоминаниям, отодвинула скользящую дверь сёдзи и замерла на пороге. Под потолком в петле висел Акихиро Судзуки.

В больнице давно выключили основное освещение, а Ева все не легла спать. Ей жизненно необходимо было выговориться. Казалось, внутренности охвачены огнем. Еще чуть-чуть — и Ева сама горит в пламени.

Ева вставила ноги в холодные тапочки и, шаркая, направилась в коридор к городскому телефону. Не так много номеров она помнила наизусть, так что выбор, кому позвонить, был невелик. Впрочем, Ева уже знала, с кем хочет поговорить.

Соединение.

Длинные гудки.

Из трубки послышался сонный голос Насти.

- Привет.
- Ева? Что-то случилось?
- Я тебя разбудила? — идиотский вопрос.

Настя хмыкнула.

— Представь себе! Даже удивительно, что в три часа ночи я сплю.

— Прости! Я... мне нужно было с кем-то поговорить.

Вместо ответа Ева услышала возню и пыхтение, должно быть, Настя выбралась из кровати.

— Ты прямо как парень из той дурацкой великой книги. Помнишь, который мотался по городу и все хотел с кем-то поболтать. Как же его звали? — спросонья голос Насти звучал хрипло.

— Он умер из-за меня! — выпалила Ева.

Тишина.

— Кто? — спросила Настя после паузы, хотя сама уже знала ответ.

— Акихиро. Это я виновата в его смерти.

— Глупости! Ты же сама говорила, он много лет страдал депрессией, так что нет ничего удивительного...

— Нет! — Ева всхлипнула. — Я рассказала тебе не все.

Настя замолчала. Ева принялась наматывать телефонный провод на палец.

— Я гостила у него, когда это случилось.

— То есть, ты видела его... ну... в петле?

— Да.

Снова молчание. Еве хотелось видеть перед собой Настино лицо, но сейчас она могла лишь догадываться, о чем та думает.

— Я приехала к нему на каникулы. Вечером накануне его самоубийства в дом без предупреждения заявила Йоко. Я сама ей открыла. У Акихиро был тяжелый период, и мне не хотелось, чтобы они встречались. Знаешь, Йоко всегда была такой... такой...

— Стервой?

— Можно сказать и так. Хотя возможно, в глубине души она и не хотела никого обижать, но получалось иначе. Ее комментарии и шуточки были такими ядовитыми и жестокими. Мне всегда тяжело давалось общение с ней. Одно ее присутствие меня подавляло. — Ева сделала глубокий вдох. — Вот и в тот вечер, она очень удивилась, увидев меня у Акихиро, и стала надо мной подшучивать. Очень зло. Назвала меня девочкой по вызову. Я почувствовала себя глупой и жалкой. Стало так противно. А потом Йоко всучила мне эти ужасные бусы и просто ушла. Надо было швырнуть их ей в лицо, но я проглотила обиду, как и всегда. Потом я несколько раз порывалась их выбросить, и каждый раз что-то останавливало. Ложное чувство вины или... не знаю. — Еву начало трясти, она с трудом держалась на ногах. — В общем, когда Йоко скрылась, я была жутко зла, до чесотки. И при первой возможности набросилась с упреками на того, кто был рядом — на Акихиро.

Наговорила ему всякого! Словно он был в чем-то передо мной виноват. А на следующее утро Акихиро повесился.

Повисло молчание. Ева вцепилась обеими руками в телефонную трубку, словно соломинку, удерживающую ее от падения в бездну. Ну же, Настя, скажи что-нибудь!

— Я думаю, это не твоя вина, — тихо сказала Настя, — и тебе нужно сходить к мозгоправу.

— Не поздновато? — горько усмехнулась Ева и продолжила. — После того, что случилось, я не могу играть музыку Акихиро. Не могу. Конечно, надо было рассказать обо всем раньше, а теперь я подвела вас всех...

— Забудь о концерте! К черту всё! — крикнула Настя в трубку. — В конце концов, на тебя напал какой-то псих, и мы имеем право отменить концерт и свалить отсюда. В любом случае, это последнее, о чем сейчас надо думать.

— Спасибо, — прошептала Ева.

— Хочешь, я приеду?

— Нет. Ложись спать.

— Может, мне все-таки приехать? А то вдруг через пять минут тебе снова приспичит поговорить?

— Нет. Обещаю. Со мной уже все в порядке. Я тоже попробую поспать.

Ева ворочалась с боку на бок на узкой больничной койке, но никак не могла уснуть. Под одеялом

слишком жарко, без одеяла — холодно. Все тело чесалось, в пятки словно тыкали иголками. Ева пыталась расслабиться, забыть обо всем. Но навязчивые мысли долбили сознание, как дятел старое дерево.

Только под утро Ева задремала. Перед глазами мелькали обрывки воспоминаний, образы из далекого прошлого. Она снова увидела детектива, держащего в руках пакет для улики со струной внутри.

— Это ваше? — эхом разлетелось в пустоте.

Это ваше?

Ваше?

Ева резко проснулась и села на кровати. Она, наконец, вспомнила, где раньше видела струну в прозрачном пакете.

Полицейский, расследовавший исчезновение, а потом и убийство Йоко, показывал Еве точно такой же пакет со струной — орудием убийства, которым была обмотана шея Йоко, когда ее тело нашли у реки. Детектив пришел к Еве, потому что именно она, предположительно, видела бывшую жену Акихиро последней. Ева тогда ничего не могла сказать ни про струну, ни про Йоко. И детектив ушел ни с чем, а убийцу так и не поймали.

Странное совпадение.

Или нет?

Ева задрожала.

А что если... а что если позавчера в саду на нее напал тот же человек, что убил Йоко?

Нет. Плутовство! Зачем убийце нападать на Еву? Все, что могла, она давно рассказала полиции, тем более, спустя годы воспоминания почти стерлись. Сейчас Ева не представляет для убийцы никакой опасности.

Ева снова легла на подушку, которая за это время успела остыть. Надо еще немного поспать. Она закрыла глаза, но мысли продолжали будоражить сознание, словно в голове гудел пчелиный рой. Этому не было объяснения, но Ева точно знала — в саду на нее напал не случайный человек.

Она открыла глаза и снова села.

Преступник легко мог схватить сумочку с телефоном и убежать, прежде чем посетители парка его увидят, но он этого не сделал. Ева коснулась пальцами бинтов на шее. Кажется, преступник пытался сорвать с нее бусы.

Зачем? Ладно бы это была бижутерия, имитирующая драгоценные камни, но здесь видно, что бусы ничего не стоят.

В голове у Евы возникла догадка. А что, если в шутке Насте была доля правды?

Ева взяла со стола бусы.

Конечно, это бред. Йоко не была контрабандисткой. Тем более, если в бусах было спрятано что-то ценное, зачем ей оставлять их Еве?

Однако следующая мысль заставила Еву нахмуриться. Йоко ведь не знала, что Ева гостит у Акихиро, значит, бусы не предназначались ей. Зачем же

Йоко взяла их с собой? Выходит, она в любом случае собиралась их отдать. И неважно кому.

Пожалуй, это выглядит странно.

Ева вертела в пальцах бусы. Затем открыла первый перламутровый контейнер из шоколадного яйца.

Пусто.

Кто бы сомневался!

Но Ева знала, что не успокоится, пока не проверит их все. Поэтому закрыв первый, открыла второй. Пусто.

Третий. Пусто.

Четвертый. Конечно, же пусто. Все-таки глупая идея с этими бусами.

Пятый. Пуст..

От удивления у Евы чуть не открылся рот — внутри контейнера была спрятана маленькая флешка.

Не может быть!

В больнице включили основное освещение, начался утренний обход. Ева сидела в оцепенении и смотрела на находку.

Дверь в ее палату открылась, но вместо медсестры вошел детектив Моро.

— Доброе утро. — Он поклонился.

Ева не могла издать ни звука, но детектив, кажется, не обратил на это внимания.

— Кажется, мы вычислили человека, напавшего на вас в парке, — рапортовал детектив. — Вчера нам удалось получить запись с видеорегистратора част-

ного автомобиля, находившегося во время нападения около места преступления. Качество записи оставляет желать лучшего, но наши специалисты поработали над ней, и мы смогли идентифицировать нападавшего.

Ева переключила свое внимание на детектива.

— Вам наверняка знаком Иори Абэ? — уточнил детектив.

Ева молчала. Мысли в голове мелькали с огромной скоростью — пазл наконец сложился.

— Да, — сказала она после долгой паузы, — и я знаю, почему он на меня напал.

— Ну, что там? Что?! Колись скорее! — От нетерпения и любопытства Настя почти прыгала по гри-мерке вокруг Евы, пока та пыталась собрать свои волосы в подобие прически.

— У Иори Абэ был роман с Йоко Судзуки. На флешке были их совместные фотографии недвусмысленного содержания.

— Тот знаменитый скрипач?

Ева кивнула.

— Он боялся, что о его романе на стороне узнает жена, поэтому убил Йоко.

— Из-за такого пустяка?!

— Ты не понимаешь, — Ева вздохнула, — жена Иори из очень богатой и влиятельной семьи. Если бы она узнала об измене, то при разводе он лишился бы всего. И не только денег. Со своими связями

свекор легко мог бы поставить крест и на музыкальной карьере Иори. По-крайней мере в Японии. Так что Иори не мог рисковать.

— Дела,— протянула Настя.

— Вероятно, Йоко его шантажировала, вполне в ее духе. Или он собирался ее бросить. В любом случае, Йоко решила подстраховаться и спрятала флешку с фотографиями в бусы, а уже их хотела до времени оставить у Акихиро. Она знала — Акихиро выполнил бы любую ее просьбу.— Ева оставила свои волосы в покое.— Столкнувшись со мной, Йоко решила отдать бусы мне. Не знаю, почему. Это и не важно. Думаю, Иори знал о флешке с фотографиями. Возможно, после убийства Йоко рылся в ее вещах... Не знаю. Но когда я столкнулась с ним в коридоре, Иори увидел бусы и обо всем догадался.

— Все-таки отличное приключение получилось! Ты смогла раскрыть «глухарь». На старости лет, когда завяжешь с музыкой, сможешь открыть свое детективное агентство,— улыбнулась Настя,— и будешь, как... как там звали эту мерзкую старушенцию?

— Скоро наш выход.— Юлий подал голос из другого конца комнаты.

— Да-да, мы в курсе.— Настя замахала на него руками, чтобы не мешался, а потом снова обратилась к Еве.

— Ты уверена, что справишься? — Совсем не концертом были заняты сейчас ее мысли.

Ева отвернулась от зеркала и посмотрела на по-другу.

— Акихиро все время переживал из-за Йоко. Считал себя виноватым в их разводе. Возможно, это было правдой. В любом случае, с этим уже ничего нельзя было сделать.— Ева ощущала странное спокойствие.— Я считаю себя виноватой в смерти Акихиро, и с этим тоже ничего не поделаешь. Бывают ситуации, из которых нет выхода. Нет правильного решения, победителей и проигравших. Нужно принять данность и учиться жить с ней.— Ева невесело улыбнулась и взяла в руки скрипку.

Свет в зрительном зале плавно погас. Пару минут из темноты слышались шорохи, поскрипывания кресел, приглушенные голоса, но когда Ева, Настя и Юлий заняли свои места, все стихло. Зал замер в ожидании.

Ева должна была вступать первой. Она сделала глубокий вдох и медленный выдох, чтобы успокоиться. Бросила быстрые взгляды на Настю и Юлия — они готовы. Ева занесла смычок над струнами и застыла. Перед глазами неожиданно возник образ Акихиро. Такой яркий, словно, они виделись минуту назад.

Акихиро сидел на траве в своем саду среди камней и деревьев. В руках стопка листов рисовой бумаги и простой карандаш, запасной спрятан за ухом. Ева любила тайком наблюдать за ним во время работы.

Казалось, Акихиро не сочиняет музыку, а слушает природу, пытаясь уловить доступную только его слуху мелодию.

Ева почувствовала, как к глазам подступают слезы. Она моргнула несколько раз и взглянула на ноты. У Акихиро была необычная привычка — он оставлял произведения незаконченными. Точнее, он отрывал кусок листа с несколькими последними нотами и прятал в ящичке стола. Поскольку, по законам фэншуй, только незаконченное живет.

Поэтому и отношения Евы с Акихиро и Йоко продолжали жить. Но теперь, похоже, пришло время поставить... что? Точку? Восклицательный знак? Многоточие?

Сбоку послышалось осторожное покашливание Юлия. Медлить больше нельзя — или она играет, или уходит.

Ева смахнула слезинку и с привычной уверенностью коснулась смычком струн своей скрипки.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**